

Почему я не нейропсихоаналитик¹

Д. А. Узланер

Узланер Дмитрий Александрович – кандидат философских наук, научный сотрудник РАНХиГС и МВШСЭН, автор книг «Объективная субъективность: психоаналитическая теория субъекта» (2020), «Жак Лакан: введение» (2021) и других.

Данная статья посвящена критическому рассмотрению нейропсихоанализа как проекта обновления психоанализа. Автор рассматривает контекст возникновения нейропсихоанализа, его обещания по радикальному реформированию психоанализа, проблемы с этими обещаниями. Далее автор анализирует решение проблемы «сознание – тело», предложенное в рамках нейропсихоанализа. Наконец, в последней части работы разбирается последняя книга Марка Солмса, суммирующая его взгляды на сегодняшний день. В заключение делается вывод о том, что нейропсихоанализ за 20 лет своего существования превратился в еще одну школу в рамках психоанализа. Представленные в статье аргументы продолжают линию размышления, начатую автором ранее – в статье «Концептуальные проблемы нейропсихоанализа» (Узланер, 2020).

Ключевые слова: нейропсихоанализ, Марк Солмс, сознательное Оно, двухаспектный монизм, нейроскептики.

Первый вопрос, на который необходимо дать ответ, – это вопрос: что такое вообще нейропсихоанализ? Сразу скажу, что я понимаю нейропсихоанализ очень определенно. Для меня нейропсихоанализ – это конкретный проект южноафриканского психоаналитика и нейропсихолога Марка Солмса (р. 1961) и его коллег. То есть когда говорят, что нейропсихоанализ – это про нейронауку и психоанализ вообще, то в таком случае предмет становится настолько широким, настолько необъятным, что говорить о чем бы то ни было становится бессмысленным. Потому что можно придумать миллион способов, каким нейронаука и психоанализ могут быть связаны. Поэтому я говорю о конкретном проекте, о бренде

¹ Данная статья написана на основе текста выступления 6 июня 2021 года в рамках семинара «Языки психиатрии», посвященного теме нейропсихоанализа.

«нейропсихоанализ», который был создан Марком Солмсом и который он развивает последние 20 лет.

В рамках нейропсихоанализа Марка Солмса можно выделить как минимум три аспекта. Я буду говорить только про один, потому что про другие два мне сказать по большому счету нечего. Первый аспект – это использование психоанализа в нейронауке: когда ученые внезапно по каким-то причинам открывают для себя психоанализ, открывают для себя Фрейда (об этом, например, см.: *Solms, 2021: Ch. 1–3*). Например, берут ранние работы Фрейда, когда Фрейд еще был неврологом, начинают перечитывать их и внезапно обнаруживать там вещи, которые представляют интерес в том числе и для современной нейронауки. Если кому-то идеи Фрейда полезны – то и слава богу. Я здесь не могу ничего комментировать.

Второй аспект нейропсихоанализа – использование психоанализа для работы с пациентами с повреждениями мозга. Собственно, это и есть специализация Марка Солмса. Он работает с людьми, у которых очевидные поражения мозга, и он показывает в своих работах, что с этими людьми тоже можно работать психоаналитически. Более того, психоаналитическая оптика позволяет что-то дополнительное понять про этих людей и так далее. Про это я тоже говорить не буду. Прекрасно, что возникают какие-то новые зоны применения психоанализа (*Ibid*).

Наконец, третье понимание нейропсихоанализа, которое меня, собственно, и интересует – это нейропсихоанализ как проект по реформированию существующего психоанализа за счет его совмещения с нейронаукой. То есть был некий старый психоанализ, он был какой-то не совсем правильный, и надо, соответственно, его улучшить. Как Солмс писал двадцать лет назад, обещая невероятные блага от нейропсихоанализа, «возникнет радикально иной психоанализ» (*Turnbull, Solms, 2003: 82*). Вот этот проект «радикально иного» психоанализа – психоанализа, который соединяется с нейронаукой, который обещает психоанализу некие новые блага, меня и интересует. Мои критические стрелы будут направлены именно в адрес этого нейропсихоанализа.

Контекст возникновения нейропсихоанализа и его обещания

Почему психоанализ нуждается в реформе? То есть что такого в психоанализе есть неправильного, что заставляет последователей нейропсихоанализа подвергать его критике? Во-первых, психоанализ обвиняется в том, что у него несовершенный метод. У психоанализа есть свой метод исследования – клинический метод, аналитик работает с анализантом, тот дает ему огромное количество материала, предлагает насыщенное описание своего внутреннего мира, дальше эти насыщенные описания аккумулируются, накапливаются, и на основании них выдвигаются предположения, имеющие отношение к метапсихологии, к тому, как устроена человеческая субъективность – в том числе те ее части, которые находятся по ту сторону сознания. С точки зрения нейропсихоанализа, с точки зрения

Марка Солмса, это ущербный метод, он не может дать необходимого достоверного результата.

Во-вторых, – и это прямое следствие первого тезиса – следствием использования неправильного метода становится появление в психоанализе обилия так называемых «школ мудрости» (это выражение самого Солмса), которые никак не могут решить, какая из них лучше. Есть лаканисты, кляйнианцы, кохутианцы и т. д. – и никто не может решить, кто ближе к истине. Клинический метод психоанализа не позволяет рассудить разные теории. Вот что пишет Солмс: «Уже в течение 100 лет у психоанализа была адекватная возможность понять, насколько далеко он может продвинуться своими силами, насколько далеко нас сможет привести клинический метод психоанализа» (*Solms, Turnbull, 2002: 298*). Суть мысли Солмса в том, что 100 лет развития психоанализа показали, что сам по себе психоанализ ничего не может сделать – никакого научного прогресса психоанализ сам по себе обеспечить не может, вместо этого он порождает большое количество разных школ, не способных друг друга рассудить.

Соответственно, Солмс уверен, что нейронаука способна предложить психоанализу альтернативный более продвинутый метод, который наконец-то все проверит экспериментально. Это даст возможность разрешить противоречия между разными психоаналитическими школами. То есть обещание такое: сейчас мы экспериментально все проверим и достоверно выясним, как же на самом деле устроен тот психический аппарат, о котором писал Фрейд в рамках своей метапсихологии.

Надо обязательно сказать несколько слов про контекст возникновения нейропсихоанализа. Ни одна дисциплина не возникает на пустом месте. Каждая дисциплина возникает в конкретном социальном, культурном и даже политическом контексте. Нейропсихоанализ возникает в очень специфический период (1999 г.): он возникает в 1990-е годы, в десятилетие, провозглашенное американским конгрессом «декадой мозга». Это период всеобщего воодушевления по поводу успехов нейронауки. Это период веры в ее всесилие, в то, что мозг – это ключ от всех дверей, разгадка всех загадок.

На волне этого воодушевления начинают возникать разные нейродисциплины. Приставка «нейро» цепляется ко всему что угодно. Появляется нейроэкономика, нейроправо, нейрополитика, нейротеология, нейроэтика и так далее. Нейропсихоанализ относится сюда же. Крепнет представление, будто бы нейронаука сейчас проникнет в человеческий разум и раскроет все тайны сознания, бессознательного, предсознательного и т. д.

На этой волне возникает и представление о том, что нейронаука сейчас маргинализирует психоанализ. И единственный способ спасти психоанализ – это встроиться в это течение. Подобные настроения прекрасно передает Солмс: «В долгосрочной перспективе когерентная нейронаука *всей* памяти, а также всего внутреннего мира в целом будет развита – без или

с психоанализом. Кооперация, сотрудничество психоаналитиков в данный момент, конечно же, ускорит этот процесс, но у науки есть способ в конечном счете найти путь через самые темные чащи, и нет никакого сомнения, что она сделает это и в данном конкретном случае» (*Turnbull, Solms, 2003: 82*). То есть открыто, прямым текстом пишется, что нейронаука сейчас все тайны разрешит, а у психоаналитиков есть два варианта – или они встраиваются в это магистральное течение и помогают нейронаукам проделать этот путь быстрее, или психоаналитики останутся стоять в стороне, и тогда нейронаука сама все сделает, а психоанализ будет маргинализирован.

Надо сказать, что сегодня – больше 20 лет спустя после этого нейрохайпа – подобные слова про то, что вот-вот и все тайны падут, кажутся уже несколько преувеличенными. По большому счету новые нейродисциплины типа нейротеологии, нейроэстетики и прочего не привели к какому-то существенному прорыву. Все оказалось куда сложнее, чем предполагалось изначально.

Под эту историю с нейронаукой нейропсихоанализ подводит собственную альтернативную историю психоанализа. Мы знаем стандартную историю психоанализа: сначала Фрейд был неврологом, потом его начал интересовать совершенно иной пласт человеческой реальности, относящийся к области психологии, он в конечном итоге после неудачных попыток совмещения одного и второго (1895 год – «Проект научной психологии») отказался от нейронауки и стал развивать психоанализ как самостоятельное направление, не связанное с исследованиями мозга. Он начал мыслить в сугубо психологической терминологии.

Нейропсихоанализ предлагает альтернативную интерпретацию: Фрейд был гениальным, прогрессивным ученым, однако в тот момент, когда он работал, еще не было современных технологий изучения мозга – например, ЭЭГ или функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ). Поэтому Фрейду пришлось оставить науку и заняться психоанализом, который представлял собой временную замену настоящей науки, которая должна была бы возникнуть, появившись эти новые приборы. И вот эти приборы появились! Можно забыть сто лет развития психоанализа как досадную ошибку и начать наконец строить научные модели психического аппарата. Отсюда характерные восторженные восклицания нейропсихоаналитиков по поводу работ Фрейда до 1900 года.

Андре Грин так иронично суммировал нарратив нейропсихоанализа: «Каким же гением был Фрейд, он был самым прогрессивным мыслителем своего времени, когда осмелился написать свою книгу "К пониманию афазий" (1891), а также "Проект научной психологии" (1895), чудом сохранившийся против его воли и не забытый окончательно. И как же жаль, что такой блестящий научный ум отвернулся от науки и избрал такую ненадежную дисциплину, как психоанализ!» (*Green, 2001*).

То есть какое горе, что Фрейду пришлось создавать психоанализ, а не нейропсихоанализ!

То есть сто лет психоанализа в такой альтернативной истории оказываются обходным путем, блужданием впотьмах, пока наконец миру не была явлена фМРТ! Психоанализ оказывается таким нежеланным ребенком, отклонением от столбовой дороги научного прогресса. Психоаналитики сто лет блуждали в темном лесу, потому что у них приборов не было. Будь они у Фрейда, он не уходил бы из науки, а психоанализ был бы строгой наукой. А так – сто лет бесконечного блуждания по теоретическим дебрям.

Нам даже рассказывают, будто бы психоаналитики только и делают, что читают первоисточники, не решаясь добавить ничего нового...

Эту альтернативную историю подают как единственно возможную. Нейропсихоанализ как бы подхватывает идеи Фрейда до 1900 года и развивает их дальше до настоящего научного подхода. Психоаналитики последние 100 лет блуждали по пустыне пустых теоретических рассуждений, пока наконец не пришел Солмс-Моисей и не вывел их к земле обетованной нейропсихоанализа.

Но что если заблуждаются не сторонники традиционной истории психоанализа, а, наоборот, сторонники нейропсихоанализа? Что если «Проект научной психологии» Фрейда – это не верная дорога, от которой ему пришлось отклониться, а вместо этого ранняя неудачная попытка Фрейда нащупать предмет своего интереса, предмет психоанализа? И только вместе с публикацией работы «Толкования сновидений» он понял, в чем именно заключается предмет психоанализа и как именно им следует заниматься. Что это именно совершенно особая область и пытаться сводить ее к физическим или химическим силам – неправильно. По крайней мере, сам Фрейд никогда больше не пытался делать ничего подобного (пусть у него и были намеки в эту сторону).

«Кризис воспроизводимости», мертвый лосось и свои «школы мудрости»: почему нейронаука – не панацея

Сейчас, уверен, часть публики воскликнет: так это же правда! Невероятный прогресс науки! Новые технологии! Новые невероятные возможности! Фрейд бы руку отдал за такие чудеса! Но давайте зададимся вопросом: так ли это? Действительно ли тот самый предлагаемый психоанализу экспериментальный метод с его новыми приборами способен творить чудеса и давать достоверное знание в том числе и в такой сложной области, как метапсихология (напомню, что Фрейд ввел этот термин по аналогии с метафизикой)?

Я хотел бы кратко обратить внимание на движение нейроскептиков, которые обращают внимание на проблемы, существующие в нейронауке, – эти проблемы появляются в тот момент, когда от исследований мозга начинают переходить к исследованию всего на свете. Нейроскептики начали говорить о таком феномене, как «нейромания». Нейромания – это, по словам Раймонда Таллиса, «вера в то, что человеческое поведение может быть объяснено мозгом в его современном понимании» (*Tallis, 2013*).

Тут главное – про «современное понимание», то есть что именно современного понимания достаточно, чтобы объяснить человеческое поведение. То есть тут не имеется в виду, что однажды, когда это понимание изменится, такая возможность не сможет возникнуть.

Нейромания – это огромное количество исследований, которые, например, просто переописывают то, что и так известно, просто обвешивая это огромным количеством нейрофизиологических и нейробиологических подробностей. Это само по себе бесполезно, но все же не похоже на ту революцию и прорыв, которые нам обещают. Я никогда не забуду, как стал читать статью о том, как правильно экономить с точки зрения нейроэкономики. И там была куча всяких физиологических подробностей про амигдалы, гипоталамусы и прочее. Мне эти подробности были неинтересны. Мне было интересно понять, а как экономить по науке. И в итоге автор делает замечательные выводы: чтобы экономить по науке, надо – внимание! – тратить меньше, чем вы зарабатываете. Это первое. Второе – надо не совершать импульсивных покупок. То есть автор привел банальные вещи, но при этом обвесил их обилием разных нейрофизиологических подробностей.

К сожалению, очень многие исследования из области «нейро» построены по этому же принципу: банальные вещи с обилием нейрофизиологии. То есть нейрофизиология – сама по себе интересная тема, достойная самостоятельного изучения. Но все же если я читаю про нейроэкономику или нейрополитику, то меня интересует не столько «нейро» само по себе, сколько то, что оно позволяет понять про политику, экономику, религию и прочее. Это примерно как читать статью про ходьбу, где на 20 страницах рассказывают про разные моторные нейроны, про мышцы и т. д. А в итоге делается вывод о том, что, чтобы ходить, надо двигать ногами.

Нейромания и движение нейроскептиков – это следствия новой моды на все связанное с «нейро». Если 60 лет назад в моде был тезис про то, что все является социально сконструированным, то сегодня новая мода гласит, что все находится в мозге и выводится из мозга.

В частности, для лучшего понимания позиции нейроскептиков можно обратить внимание на ту историю, которая последние годы сотрясает науку. Я имею в виду историю про «кризис воспроизводимости», который очень больно ударил по многим дисциплинам – в том числе по психологии, по медицине, по нейронауке. Началось все со статьи Джона Иоаннидиса 2005 года «Почему большинство исследований являются ложными» (*Ioannidis, 2005*).

Выяснилось, что от 40 до 70 процентов исследований не воспроизводятся! От 40 до 70 процентов! Ученые проводят исследования, публикуют их, потом другая группа пытается эти исследования повторить и не может этого сделать! Получаются другие результаты. В этом и есть суть кризиса воспроизводимости.

В частности, одно из исследований, опубликованное в журнале *Science*, было посвящено журналам по психологии (*Open Science Collaboration*, 2015). Были проанализированы статьи из трех ведущих психологических журналов: *Psychological Science* (PSCI), *Journal of Personality and Social Psychology* (JPSP), *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. В итоге удалось воспроизвести только 40 процентов исследований!

Проблема тут не в том, что есть ученые-жулики, а в самом методе – экспериментальном и статистическом. Кто разбирается в статистике и понимает, о чем я говорю, то это проблемы с *p-value*, *p-hacking*, статистической мощностью. То есть с этим якобы надежным методом сегодня есть огромные проблемы. Сейчас предлагаются разные проекты реформирования науки: движение за открытую науку, за то, чтобы исследователи все свои данные выкладывали онлайн, чтобы можно было читать не только саму статью, но и посмотреть сырые данные, за пре-регистрацию исследований (когда заранее заявляется гипотеза и как она будет проверяться), за переход от классической статистики (Пирсона, Фишера) к статистике байесовской.

То есть метод показал свою проблемность, он привел к «кризису воспроизводимости». И непонятно, куда этот процесс в итоге вырулит. Есть ощущение, что некоторые проблемы защиты настолько глубоко, что их невозможно просто так устранить. Буквально недавно в *Science Advances* вышла статья про то, что невозпроизводимые исследования еще и больше всех цитируются (даже после того, как стало известно об их невозможности) (*Serra-Garcia, Gneezy*, 2021).

В такой ситуации говорить, что у психоаналитиков какой-то несовершенный метод, – достаточно смешно... Метод психоаналитиков несовершенен – и есть проекты реформирования этого метода (например: *Hinshelwood*, 2013), но, увы, совершенного метода не существует.

Хорошо, может с методом не все хорошо, но есть же великолепные новые приборы, которые используются. Однако и тут не все так просто – с этими приборами есть огромные проблемы. В частности, есть всеми любимая фМРТ, которая преподносится так, как будто бы она позволяет наблюдать за мозгом чуть ли не в прямом эфире – там светятся разные точки, разные цвета, лампочки зажигаются. Но это совершенно наивное восприятие, как пишут авторы книги *Neuromania*: «Читатели зачастую не знают, что необходимо предпринять целый ряд шагов для того, чтобы получить на выходе эту простую картинку мозга с раскрашенными зонами и что каждый из этих шагов основан на допущениях, которые далеко не всегда являются обоснованными» (*Legrenzi, Umiltà*, 2011). И как пишут авторы одного из метаобзоров фМРТ, «надежность фМРТ невысока по сравнению с другими научными методами» (*Bennett, Miller*, 2010). То есть фМРТ – это технология, вызывающая много вопросов. При этом,

как указывают те же авторы, это самое совершенное на сегодня средство для изучения мозга *in vivo*.

Например, часто можно встретить указание на следующую проблему: фМРТ построена на фиксировании притока крови в те или иные области мозга. Но при этом кровь приливает по времени около 5 секунд, тогда как человеческие мысли и в целом ментальная активность человека длятся миллисекунды. Соответственно, каким образом можно соотнести процессы, которые протекают с совершенно разной скоростью?! Приток крови с одной скоростью, ментальная активность – с другой. Как пишут авторы книги «Нейромания», удовлетворительного ответа на этот вопрос не существует (*Legrenzi, Umiltà, 2011: 15–16*).

Самый главный скандал с фМРТ – это скандал 2009 года. Он был связан с атлантическим лососем. Авторы скандального исследования показали, что если поместить мертвого лосося в томограф, то он покажет мозговую активность (*Bennett et al., 2009*). Что сделали авторы? Они купили мертвого лосося, дальше стали ему показывать разные фотографии людей в социальных ситуациях с разной валентностью (видимо, люди там злились, ругались, обнимались, целовались и так далее). И далее фиксировали мозговую активность лосося с помощью стандартных подходов, которые используются чуть ли не в половине лабораторий мира. В результате была зафиксирована мозговая активность в мозге мертвого лосося. Эту статью опубликовали в журнале, потом она выиграла Шнобелевскую премию и взорвала научное сообщество. Если посмотреть, то у этой статьи буквально тысячи и тысячи цитирований.

Данное исследование показало, что у фМРТ есть проблемы. Возможно, после публикации этой статьи все изменилось, подходы усовершенствовались и т. д. Но это 2010 г. – и как относиться к исследованиям до 2010 г.? И не будет ли обнаружен какой-то новый изъян сопоставимого масштаба?

Хорошо, ладно, нет совершенных методов, нет совершенных технологий, но, может быть, даже при таком несовершенстве нейронауке удалось сделать то, что не удалось сделать психоанализу, – разрешить собственные теоретические споры? Увы, тут снова нет. В нейронауке существуют такие же теоретические споры, такие же школы, которые уже много лет не могут между собой примириться. И едва ли когда-то это примирение наступит.

В частности, я возьму важный для нейропсихоанализа сюжет – эмоции. Существуют как минимум две давние традиции понимания эмоций. Нейропсихоанализ опирается на одну из этих традиций. Первая традиция – это эссенциалисты. Это исследователи, которые считают, что есть некие базовые эмоции, эмоциональные системы, жестко замонтированные (*hard-wired*) в мозгу. Соответственно, все остальные человеческие эмоции как бы покоятся на этом фундаменте, на этих вмонтированных

в мозг системах. Эссенциалистская позиция, в частности, представлена Яком Панксемпом, идеи которого во многом лежат в основании нейропсихоанализа.

Второй подход, который сегодня набирает обороты, – это конструктивисты. Конструктивисты считают, что все эмоции являются сконструированными, что эмоции возникают на пересечении между мозгом, телом и культурой. В рамках конструктивистского подхода нет никаких фиксированных эмоций, никакого фиксированного перечня базовых эмоций. Нет никаких жестко замонтированных в мозгу эмоциональных систем. Человеческие эмоции уникальны и не могут быть сведены к базовым прототипам. Представителем такого подхода является нейроученый Лиза Хиллман Барретт.

Суть ее подхода в следующем: «Эмоции следует изучать как динамические, предельно вариативные целостные мозговые конструкты того, что означают телесные ощущения в контексте непосредственного опыта. Механизмы, которые делают возможными эти конструкции, не являются специфическими для сферы эмоций, но действуют также и в сферах когнитивных, восприятия и действий» (Barrett, 2018). По поводу базовых эмоций Барретт пишет: «Мы обнаружили, что никакие участки мозга не содержат отпечатки ни одной конкретной эмоции. Эти отпечатки отсутствуют, даже если одновременно рассматривать множественные связанные между собой участки мозга (мозговые сети) или же если стимулировать отдельные нейроны электричеством. Такие же результаты получаются и в случае других животных, которые якобы имеют эмоциональные цепи, например в случае крыс или обезьян» (Ibid).

Соответственно, можно взять конкретно Панксемпа и его семь базовых эмоций (фундаментальное понятие для нейропсихоанализа). Причем это не столько даже эмоции, сколько целые нейроаффективные системы – они пишутся с большой буквы, чтобы подчеркнуть: перед нами не просто эмоции, но прямо вмонтированные в мозг конструкции. Вот они: ИГРА, ЯРОСТЬ, ПАНИКА, ПОИСК (по Солмсу – аналог либидо Фрейда), СТРАХ, ВОЖДЕЛЕНИЕ, ЗАБОТА (PLAY, RAGE, PANIC, SEEKING, FEAR, CARE, LUST).

На это Лиза Хиллман Барретт пишет: нет никаких семи базовых эмоций. Дальше она комментирует каждую из таких выделяемых систем:

«С нашей точки зрения, гипотетические системы Панксемпа могут быть разделены на три основные группы. Некоторые поведения, описываемые как эмоциональные (например, те, что ассоциируются с предполагаемой цепью ИГРА), не соответствуют хорошо выработанной цепи. Или же эти поведения достаточно различны и поэтому не составляют единой психологической категории, не говоря уже о категории биологической (например, предполагаемая цепь ЯРОСТЬ). Другие поведения (например, те, что связаны с предполагаемыми цепями ПАНИКА, ПОИСК и СТРАХ) действительно иллюстрируются функционально вычленимыми нейронными цепями, но здесь совершенно не ясно, являются ли сами поведения эмоциональными по своей природе (в том смысле, что есть данные полагать, что эти поведения отражают психологические категории,

отличные от грусти, ожидания, страха). Наконец, другие поведения (например, те, что ассоциируются с предполагаемыми цепями ЗАБОТЫ и ВОЖДЕНИЯ) иллюстрируются специальными нейронными цепями, но при этом совершенно другой вопрос: вызывают ли эти поведенческие цепи феноменологически особые чувства и тем самым образуют схемы для естественных родов эмоций (*Barret et al., 2007*)».

В свете этого разногласия, конечно, не очень убедительно звучит тезис Солмса про то, что «есть лишь один способ выбрать из нескольких теорий – протестировать их на предмет соответствия реальности так, чтобы альтернативные предсказания либо подтверждались, либо, наоборот, опровергались» (*Solms, Turnbull, 2011: 141*). Может, дело не в методе, а в том, что переход от фактов к теориям не такой простой и от одних и тех же фактов можно перейти к разным теориям?! Это в конечном счете поняли даже позитивисты в середине XX века (например, Рудольф Карнап)...

С эмоциями есть еще один сложный теоретический вопрос: имеем ли мы право говорить, что животные испытывают эмоции? В частности, крысы. Испытывают ли они эмоции? Барретт говорит, что крыса никаких эмоций не испытывает. Когда говорят, что крыса испугалась, то это глупость – это следствие путаницы эмоции и определенной поведенческой реакции (замереть/броситься и т. д.). Это то, что называется «*mental inference fallacy*», то есть ошибка приписывания ментальных свойств.

Я говорю это все сейчас не для того, чтобы рассудить этот спор (хотя мне, естественно, ближе позиция Барретт). Я не знаю, какой подход больше соответствует действительности. Возможно, ни один из них. Моя задача была в том, чтобы показать, что в нейронауке возникают те же самые проблемы, что и в психоанализе. Точно такие же проблемы с методом, который не может дать того надежного результата, который он обещает, точно такие же теоретически разногласия и т. д. Соответственно, когда Солмс говорит: давайте сейчас пойдем на самом деле, какая теория в психоанализе более верная, – то он, увы, упрощает. К сожалению, теоретически разногласия зачастую не могут быть разрешены никакими эмпирическими данными в принципе. Вот как существовали два подхода к эмоциям, эссенциалистский и конструктивистский, так они до сих пор и существуют. Наверное, нет сегодня никакой возможности этот спор разрешить. И если нейронаука не может разрешить свои собственные разногласия, то как она собралась помогать психоанализу разрешать споры разных психоаналитических «школ мудрости»?! Вы сначала определитесь, есть базовые эмоции или нет...

Двухаспектный монизм: один слон или все же два?

Следующий сюжет – двухаспектный монизм. Это важная концепция, на которой, по словам Солмса, «может быть основан нейропсихоанализ как таковой» (*Solms, 2021*). Дело в том, что нейропсихоанализ пытается соединить мозг и субъективную реальность, тем самым он неизбежно выходит на психофизическую проблему, или, как ее сегодня называют, «проблема сознание – тело». Чтобы можно было проводить свои

исследования, необходимо предложить свое решение данной проблемы. Решение Солмса – двухаспектный монизм.

Суть двухаспектного монизма в следующем: у нас есть мозг как физический объект, который можно наблюдать со стороны от третьего лица, его можно потрогать, положить в томограф и т. д. И у нас есть субъективная реальность человека – человек как субъект, как тот, кто переживает мир от первого лица. Двухаспектный монизм утверждает, что это две стороны чего-то третьего. То есть есть что-то третье – что, с одной стороны, является мозгом, а с другой – субъектом, переживающим мир от первого лица. Что же такое это третье? Тут есть некоторые разногласия. Например, Солмс считает, что это *mind*, или «психический аппарат», а, например, другой представитель нейропсихоанализа – что «функционирующий мозг» (Георг Нортхофф). И вот этот *mind* можно изучать как бы с двух сторон – со стороны мозга и со стороны субъективной реальности.

По сути, и мозг, и субъективная реальность – это в своей основе одно. Согласно данной логике. Более того – они подчинены одним и тем же естественным законам. Солмс пишет:

«Те вещи, которые мы изучаем в психоанализе, – это, по сути, те же самые вещи, которые изучают наши коллеги в нейронауках. Различия в дисциплинах обусловлены тем фактом, что они используют разные каналы восприятия для изучения этой единой в своей основе вещи» (*Solms, 2003: 97*).

«...он [Фрейд] описывал внутреннюю реальность ума как естественную последовательность вещей, которая по своей сущности не отличалась от прочих естественных событий и поэтому была подчинена тем же причинно-следственным законам» (*Solms, 1998: 8*).

То есть эта позиция приписывается самому Фрейду.

Далее Солмс пойдет еще дальше и будет говорить о существовании единого математического и физического закона, из которого может быть выведен как мозг, так и субъективная реальность. Но об этом ниже.

Но дальше следует хитрость – это две стороны чего-то третьего, и это третье можно изучать как с одной стороны, так и с другой. Но изучать это с позиции сверху вниз (от субъективной реальности вниз) неудобно – там все слишком зыбко, эфемерно, ненадежно. Поэтому изучать это лучше снизу вверх – тогда можно получить более надежное знание. Снизу вверх – то есть идти от мозга. Соответственно, те выводы, которые делаются на основании изучения мозга, потом можно переносить на психический аппарат, а оттуда и на субъективную реальность, потому что последняя – всего лишь еще один аспект этого *mind*, или психического аппарата. То есть, по сути, двухаспектный монизм нужен для того, чтобы легитимировать изучение мозга как основание для того, чтобы делать выводы о субъективной реальности и проецировать принципы функционирования мозга на эту реальность. То, что я называю биологизацией и редуцированием этой субъективной реальности к нейроуровню, игнорирующим уникальность и специфичность этой реальности.

Двухаспектный монизм часто иллюстрируется примером с молнией. Вот молния: с одной стороны, это вспышка на небе, которую мы видим, с

другой стороны – это гром, который мы слышим. Но на самом деле это одно, единое явление, у которого есть два способа (аспекта) явленности – вспышка и гром. Но в основе – это единое явление, которое подчинено одному закону природы. Мы не можем говорить, что вспышка отдельно, гром – отдельно. Это одно и то же под разными названиями. В этой логике мозг и сознание устроены так же: это как вспышка и гром, в основании которых лежит некое третье объединяющее их явление.

Другой пример, иллюстрирующий двухаспектный монизм, – это известная притча про группу слепцов, которые ощупывают слона с разных сторон². Одни его ощупывают, условно говоря, сзади, другие – спереди. Каждый описывает, что именно он нащупал. Соответственно, получаются разные описание – однако все эти описания есть описания одного и того же слона просто с разных сторон. Если говорить о мозге и субъективной реальности – это как бы две стороны слона, одни его ощупывают с одной стороны (со стороны мозга), другие – с другой стороны (со стороны субъективной реальности). Но, по сути, это некое единое явление – mind, или психический аппарат.

Но действительно ли это метафоры, которые применимы к проблеме сознание – тело или к проблеме соотношения мозга и субъективной реальности? Вот, например, другая похожая иллюстрация (рис. 1): геометрическая фигура (цилиндр). Эта фигура может быть спроецирована в разные плоскости: в одной плоскости она выглядит как квадрат, в другой – как круг. Но значит ли это, что мы можем изучать свойства круга через изучение свойств квадрата? Не будет ли это попыткой вписывания круга в квадрат, поиска квадратуры круга и т. д.? То есть даже на уровне подобных простых иллюстраций могут возникать вопросы.

Но в случае с этой геометрической фигурой мы хотя бы знаем, как она выглядит. Как и в случае со слонем, как и в случае с молнией. Но подходят ли эти иллюстрации для проблемы мозга и субъективной реальности? Применительно к человеку мы не знаем, что это за такая фигура, которая в одной плоскости выглядит как мозг, а в другой – как субъективная реальность. Это и есть та загадка, которую необходимо разгадать. То есть приведенные примеры простые, так как разные проекции одной и той же фигуры, разные модусы одного и того же природного явления, разные

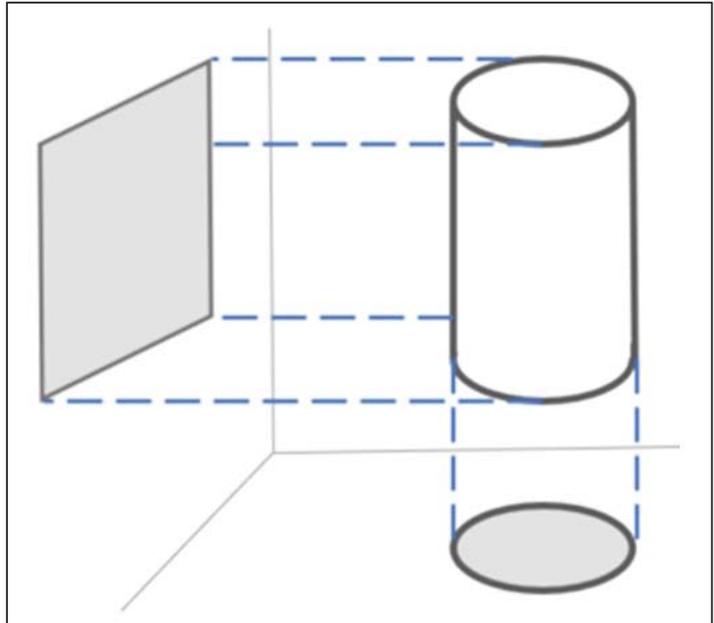

Рис. 1. Цилиндр, спроецированный в разные плоскости

² Данный пример также используется Солмсом для иллюстрации двухаспектного монизма.

стороны слона – это все явления из одного измерения. Но применительно к мозгу и субъективной реальности – это явления из разных измерений, из разных реальностей, которые подчинены принципиально разным принципам функционирования. То есть этот пример работал бы, если бы мы знали, что же это такое, что с одной стороны выглядит так, а с другой – иначе. Но именно этого-то мы и не знаем! Кто знает ответ на этот вопрос – тот разгадал психофизическую проблему!

То есть двухаспектный монизм верно фиксирует то обстоятельство, что человек – это такой парадоксальный слон, который сочетает в себе две части: с одной стороны, человек – это физический объект, тело, мозг, существующий в природе наряду с другими физическими телами. В этом смысле он действительно подчинен законам природы, причинно-следственным связям, принципу каузальной замкнутости и т. д. Это с одной стороны. Но с другой стороны – в человеке есть совершенно иное измерение. Это не просто слон с одной и другой стороны, это вообще разные слоны. Субъективная реальность – это вообще иное измерение, где человек – это субъект, это тот, кто переживает мир от первого лица, где все устроено иначе, не так, как устроена физическая реальность. Собственно, загадка и заключается в том, как перейти от одного ко второму. Как от одного слона (из мира от третьего лица) перейти к другому слону (из мира от первого лица)³. При этом действительно парадоксально – это все один и тот же слон...

Нейропсихоанализ уходит от этой парадоксальности, концентрируясь на этом загадочном третьем – аспектами чего являются мозг и субъективная реальность. Тем самым он уводит нас от специфики этой субъективной реальности, но не от специфики мозга, так как именно мозг он в основном и исследует. Основное внимание в нейропсихоанализе уделяется все-таки мозгу – мы же не можем исследовать это третье напрямую, оно остается по ту сторону нашего восприятия.

В итоге специфика субъективной реальности совершенно пропадает. Нивелируется ее онтологическая уникальность. Субъективная реальность – это реальность смыслов, символических систем, интересубъективного взаимодействия, опосредованная этими смыслами и символическими системами. К этому психоанализ бы добавил пласты бессознательных фантазий, желаний, переносов и контрпереносов.

Чтобы понять специфику этой реальности, надо, например, изменить направление изучения. Двигаться не от мозга к этому непонятному mind, а оттуда к субъективной реальности, а наоборот – от субъективной реальности к мозгу. Давайте начнем с субъективной реальности, поймем, как она устроена, и на основании этого будем делать выводы по поводу мозга. Например, очевидно, что в субъективной реальности человек руководствуется смыслами, то есть он руководствуется соображениями о том, что имеет или не имеет смысл делать. Если что-то имеет смысл делать, то человек будет это делать. Если что-то не имеет смысла делать, то человек этого делать не будет. Естественно, все это можно усложнять и т. д.

³ Более подробную критику см.: *Clarke, 2018*.

Но общий принцип такой. Кроме того, в нашей субъективной реальности мы живем в символическом пространстве, где есть язык, где есть опосредованные этими символами связи – социальные структуры, ценности, идеалы и прочее. Давайте применим эти соображения к мозгу – будем пытаться утверждать, что мозг устроен так же: если какой-то нейрон хочет работать, то он работает, если он считает для себя осмысленным сработать в данный момент, то он сработает. Если в данный конкретный момент он не считает для себя нужным сработать, то он срабатывать не будет.

Если мыслить так, то это вызовет очевидное раздражение: мол, так делать нельзя, вы вообще не понимаете ничего в работе мозга. Но почему тогда это работает в обратную сторону? Почему понимание того, как функционирует мозг, – это основание делать какие-то выводы относительно субъективной реальности? Безусловно, эта субъективная реальность зависит от слаженной работы мозга и всего человеческого тела (это легко демонстрируется имеющимися данными – тут спора нет), но если тело и мозг работают, то субъективная реальность, существующая на их основе, начинает функционировать по своим законам.

Да даже восприятие в субъективной реальности работает совершенно не так, как восприятие работает в физической реальности! Возьмите процесс зрения: зрение как физиологический процесс – это процесс движения отраженных частиц света к человеку, где они попадают на сетчатку глаза и т. д. Но в субъективной реальности вектор идет в обратную сторону – это я смотрю, это я бросаю взгляд на вещи. Не они попадают мне на сетчатку глаза, но я смотрю на них. Кроме того, в субъективной реальности я воспринимаю целостные объекты, помещенные в предынтерпретированный мир, в котором эти объекты имеют свой смысл и назначение, в физической же реальности – это просто какие-то отдельные нейронные цепочки, каждая из которых ведет в какой-то свой участок головного мозга.

То есть перед нами два принципиально разных измерения. И при этом парадоксально это один и тот же человек. На мой взгляд, нейропсихоанализ пытается эту проблему заговорить – сначала говорит, что это два аспекта чего-то третьего. Потом говорит, что это третье удобнее изучать через мозг. А дальше изучается мозг и делаются далекоидущие выводы, в том числе и относительно субъективной реальности, которая иногда включается в рассуждение, но лишь с целью проиллюстрировать некий тезис о мозге (как, например, это делает Солмс в своей последней книге, о которой ниже).

То есть, как бы нам ни расхваливали перспективу от первого лица в рамках нейропсихоанализа, все равно в итоге все сводится к мозгу... Например, Марк Солмс говорит про сознательное Оно (см. *Solms*, 2013: 5-19) – он выводит это из исследований мозга, из того факта, что в его теории сознание возникает там же, где и влечения (то есть Оно). Но я нигде не могу найти внятного описания того, как сознательное Оно возможно из перспективы от первого лица. Кто-то реально осознает свое Оно? Как вообще это можно себе представить из субъективной реальности?

Это что, какие-то сверхлюди, которые сразу истинно опознают все свои влечения? А ведь Солмс говорит именно об этом. Я его цитирую: «Влечения – это сознательные вещи» / «Drive are conscious things»⁴. Может, нейропсихоаналитики владеют особой техникой, позволяющей каждому добиваться такого просветленного сознания?!

Пример сознательного Оно – это как раз причина, по которой я говорю, что в нейропсихоанализе структура мозга проецируется на структуру субъективной реальности. Если в мозге сознание коренится там же, где и Оно, значит, и в субъективной реальности они должны быть слиты... Но верно ли это? Давайте, например, вспомним слова самого Фрейда из его работы «О бессознательном»: «Но все попытки открыть более детальную локализацию душевных процессов, все старания вообразить себе, как представления накапливаются в нервных клетках, а возбуждения идут по нервным волокнам, окончились полной неудачей. Такая же судьба постигла бы учение, которое пыталось бы определить анатомическое положение системы Вw, сознательной душевной деятельности, в мозговой коре, а бессознательные душевные процессы в субкортикальных частях мозга. Тут имеется пробел, заполнение которого пока невозможно, и это не входит в задачи психологии. Наша психическая топика *пока* не имеет ничего общего с анатомией. Она относится к областям душевного аппарата независимо от их местоположения в теле, а не к анатомическим локализациям» (Фрейд, 1915). Но Солмс игнорирует это указание Фрейда и начинает прямо проецировать области психического аппарата на анатомию мозга...

Повторяюсь, это классическая попытка заговорить психофизическую проблему. Это классика. Не имея возможно заделать эту пропасть напрямую, она заделывается путем введения неких промежуточных, двойственных понятий, которые могут пониматься как в одну, так и в другую сторону. У Солмса это mind и психический аппарат, которые, с одной стороны, привязываются к мозгу, а с другой – к субъективной реальности. У Нортхоффа – функционирующий мозг. Уже здесь видна эта игра – то промежуточное нечто – это mind (то есть нечто ментальное), то промежуточное нечто – мозг, пусть и функционирующий (то есть нечто физическое, материальное).

Моя позиция в данном вопросе такая – мозг и субъективная реальность это две принципиально разные реальности. При этом они парадоксальным образом уживаются в одном человеке. Человек – сверх- или надбиологическое существо, которое, с одной стороны, существует в физическом пространстве как тело, как мозг, подчиненные естественным законам. Но, с другой стороны, в человеке возникает сверх- или надбиологическое измерение – измерение, структурированное смыслами, символами, взаимодействием с другими субъектами, которое в свою очередь

⁴ Из курса по клиническому нейропсихоанализу (A Practical Introduction to Neuropsychoanalysis: Clinical Implications). 2-я лекция. 2:02 (<https://npsalearning.org/courseLibrary>).

опять же пронизано смысловым, символическим измерением. И не существует никакого общего закона, который мог бы определить и мозг, и субъективную реальность.

То есть вполне можно говорить о нейронных коррелятах субъективной реальности. Искать нейронные корреляты сознания, бессознательного, Я и прочих инстанций этой субъективной реальности. Но путать нейронные корреляты с самой субъективной реальностью – это как пытаться разгадать содержание телевизионной программы путем перебирания деталей телевизора, это как искать разгадку детективного фильма в пикселях монитора.

Более того, я бы спросил вообще: а у всего ли есть эти нейронные, нейрофизиологические, нейробиологические корреляты? Или же есть такие явления, которые не имеют вообще никакого материального субстрата? Например, есть ли материальный субстрат у смысла, есть ли он у идеальных объектов – типа денег, решений математических уравнений и т. д.? Это проблематика Эвальда Ильенкова, если кому-то интересно. И это прямое противоречие с позицией нейропсихоанализа, который утверждает, что нет ничего в mind, чего бы не было в мозге⁵.

Впрочем, знатоки Марка Солмса сейчас мне скажут: вот в последней своей книге Солмс как раз делает ровно то, что вы тут так долго отрицали. Он постулирует наличие общего закона, который как раз определяет и одно, и другое – и мозг, и субъективную реальность.

Новая книга Марка Солмса: экстраординарные заявления требуют экстраординарной проверки!

Хорошо, дальше я хотел бы как раз рассмотреть идеи Марка Солмса. Для этого я возьму его последнюю книгу – 2021 года. Она называется «Скрытый источник: путешествие к истоку сознания» (*Solms, 2021*). Книга примечательна тем, что в ней представлена и изложена последняя версия концепции Солмса. Причем сделано это в популярном виде очень доступным языком.

Я обращаю внимание, что это не обычная книга. Это книга с экстраординарными заявлениями. И я не преувеличиваю. Солмс утверждает, что ему удалось решить трудную проблему сознания!⁶ Он утверждает, что он нашел математическую и физическую теорию сознания! Это настоящая сенсация! Более того, он говорит не просто о том, что разгадал загадку сознания. Он утверждает, что его решение позволяет ни много ни мало создать искусственное сознание! Искусственного сознательного робота, то есть такого робота, такую искусственную систему, которая будет обладать сознанием!

⁵ Курс по клиническому нейропсихоанализу (A Practical Introduction to Neuropsychoanalysis: Clinical Implications).

⁶ Книга развивает те идеи, которые содержатся в статье: *Solms, 2019*.

Я буду идти по порядку. Во-первых, в своей книге Солмс снова обращается к своему самому знаменитому тезису. То есть если есть какая-то идея в нейропсихоанализе, которая претендует на действительно серьезную инновацию в психоаналитической метапсихологии, то это именно она. Это «сознательное Оно». Прошу прощения, если я неправильно переведу какой-то нейротермин.

Суть идеи Солмса в том, что сознание находится не в кортикальных областях мозга, но в стволе мозга. Там же, где, по мнению Солмса, находится то, что Фрейд называл Id или Оно. Это то, что продуцирует влечения.

Если сознание возникает там же, где возникают влечения, то на этом основании Солмс делает вывод о том, что Оно является сознательным. И тут я снова спрашиваю: не опрокидывает ли нейропсихоанализ структуру мозга на структуру субъективной реальности? То есть если, с точки зрения Солмса, в мозге сознание находится там же, где находятся влечения (Оно), то можно это спроецировать на субъективную реальность и сказать, что Оно является сознательным. И главная революция в том, что если Фрейд и вообще психоаналитики всегда считали Оно бессознательным, то Солмс утверждает, что Оно является сознательным. Действительно, это вполне себе революционный тезис.

Однако сразу скажу, что Солмс очень странно понимает сознание. Обычно сознание понимают как способность отдавать себе и окружающим отчет в чем-то. Солмс же, если я правильно его понял, в данном случае понимает сознание как состояние arousal (возбуждение/активация/пробуждение) (это понятие Солмс предпочитает близкому понятию wakefulness⁷, чтобы учесть подразумеваемую в arousal базовую «эмоциональную отзывчивость и интенциональность» / emotional responsivity and intentionality)⁸. Тут уже можно заподозрить Солмса в хитрой языковой игре: сначала придумывается специфическое понимание сознания (обычно сознание определяется через слово awareness – осведомленность; понимание; отчет в собственных действиях), а потом оно соединяется с тем, что всегда казалось бессознательным, то есть с Оно. Тем самым получается научная сенсация. Но так можно любую сенсацию создать – например, сухую воду. Достаточно сказать, что сухость понимается особым образом – например, как результат подсушивания воды феном. А дальше сказать, что мы получаем сухую воду...

⁷ Хотя это понятие также используется для описания элементарных форм сознания: «The arousal processes that produce what is conventionally called "wakefulness" constitute the experiencing subject» (Solms, 2019: 6).

⁸ «Это другая причина, по которой я предпочитаю термин arousal термину wakefulness или же "уровень сознания". Arousal вбирает в себя (даже позитивно предполагает) эмоциональную отзывчивость и интенциональность, которые, как мы видим здесь снова, лежат в самом средоточии сознательного поведения» / «This is another reason why I prefer the term "arousal" over "wakefulness" or "level" of consciousness. "Arousal" accommodates (even positively suggests) emotional responsivity and intentionality, which, as we see here once again, lie at the heart of conscious behavior» (Solms, 2021). При этом понятия arousal и wakefulness тесно связаны – «Arousal подкрепляет wakefulness» / «Arousal underpins wakefulness» (Solms, 2019: 5).

Общая схема Солмса выглядит так: Оно (вместилище влечений) – аффекты, то есть субъективная манифестация влечений – чувства, то есть та часть аффекта, которую субъект переживает (чувства всегда сознательны – без исключений). Через это человек опознает свои нужды. «Чувство исчезает из сознания в тот момент, когда потребность, с которой оно связано, была удовлетворена» (Solms, 2021). Чувство сигнализирует, что есть напряжение, неудовлетворенная нужда, которая должна быть удовлетворена, и тогда чувство исчезнет.

По определению Солмса чувства всегда сознательны. То есть если какая-то потребность у человека остается неудовлетворенной, то он это чувствует как неудовольствие, как напряжение. Вполне логично. Если со мной что-то не так, то я это переживаю как ощущение, что что-то не так. Но как раз проблема в том и заключается, что не понятно, что же именно не так...

И тут хотелось бы наконец понять, как именно это выглядит с позиции сверху вниз, то есть от первого лица, из субъективной реальности. Нам рассказывают про ствол мозга, про биологические потребности и влечения – ОК! Но как это выглядит от первого лица, как это выглядит изнутри субъективной реальности? Те примеры, которые приводит Солмс, – это все слишком простые примеры на уровне попить, поесть, сходить в туалет, пописать и т. д. Якобы, чувство голода или жажды не может не быть сознательным. Ну или примеры про животных: лев нападает на антилопу – ясно, что лев хочет и что он делает... Но если говорить о психоанализе, то все же разговорами про напряжение, связанное с попить-поесть-сходить в туалет, очень сложно что-то иллюстрировать.

А как насчет более сложных влечений, которые в человеческой реальности, преломившись через символическое измерение, становятся желаниями? Неужели человек осознает все свои влечения-желания? Если ответ с точки зрения нейропсихоанализа – утвердительный, то мне бы хотелось увидеть описание сверху вниз этого – пусть кто-то опишет себя или кого-то, кто полностью осознает все свои желания, у кого нет бессознательных желаний, кто не заблуждается относительно своих желаний, кто не обманывает себя относительно своих желаний, кто не может не знать, в чем именно его желания заключаются...

У меня есть единственное объяснение этому – возможно, Марк Солмс прошел свой психоанализ длиной, не знаю, в 30 лет. И он полностью себя познал. Фрейд говорил: «Там, где было Оно, должно стать Я». Возможно, Солмс дошел до такого состояния, что его Я прочно разместило в Оно и осветило все светом знания. Он стал абсолютно для себя прозрачным. И из своего просветленного состояния говорит про сознательное Оно. Другого объяснения у меня нет...

В противном случае эта идея остается совершенно непонятной. Более того, я читаю журнал «Нейропсихоанализ» и там постоянно (как минимум дважды) сталкиваюсь с тем, что авторы упоминают это сознательное Оно, но тут же говорят, что с этим тезисом согласиться не могут.

Поэтому в целом тезис про сознательное Оно кажется мне противоречивым и неясным – если идти снизу вверх, то есть двигаясь от мозга, его еще можно защищать, но как его защищать сверху вниз, я не понимаю...

Хорошо, у нас есть общая схема – влечения сигнализируют, что есть неудовлетворенные нужды, они создают давление. Это давление необходимо снять. Что же это за такие нужды? Из них самые релевантные для психоанализа – это эмоциональные нужды.

Солмс говорит про то, что все эмоциональные нужды могут быть сведены к семи базовым эмоциональным системам, описанным Яком Панксеппом. Вот цитата из Солмса: «Все это – базовые ингредиенты всего репертуара человеческих эмоций. Все оттенки наших горестей и радостей оказываются производными от этих семи систем, которые смешиваются друг с другом и с высшими когнитивными процессами» (Solms, 2021).

Как я уже говорил выше, опять же – это всего лишь гипотеза, которая вырастает из конкретной традиции понимания человеческих эмоций. Интересно, как Солмс обходит этот момент. Как честный ученый он не может не упомянуть, что есть те, кто отрицает тот подход, на котором выстроен нейропсихоанализ. А это действительно ключевой момент – если отказаться от концепции Панксеппа, то все здание нейропсихоанализа рухнет. Потому что слишком много замешано на этих семи эмоциональных системах. И Солмс интересно пишет про Барретт, которая как раз представляет другую традицию: «Различие связано в основном с методологическими различиями. Она опирается на самоописания эмоций у людей и неудивительно обнаруживает, что существует невероятное разнообразие в том, как различные люди (и культуры) характеризуют и вычленяют чувства». А дальше добавляет: «Это не опровергает того факта, что базовые естественные роды [эмоций] просвечивают через эту социально сконструированную поверхность» (Solms, 2021). Тут еще интересно замечание про Панксеппа. Когда его обвиняли в антропоморфизме по отношению к животным, то есть в приписывании животным человеческих черт, то он говорил, что скорее признает себя виновным в зооморфизме в отношении людей. Зооморфизм – это приписывание людям свойств животных. То есть исследуете мышей, а потом на основании своих исследований начинаете делать выводы о людях.

То есть в этом споре Солмса и Барретт получается странная ситуация: если изучать человека, то получают одни выводы (о социальном конструировании эмоций), а если изучать животных, то получают другие выводы (о неких базовых эмоциях). И Солмс пытается быстро этот момент проехать. Но я бы хотел остановиться здесь. Солмс проскакивает через фундаментальное различие двух подходов – если следовать за Барретт, то нет никаких базовых эмоций. Все эмоции конструируются в культуре. И поэтому мы не можем больше говорить про то, что разные эмоции в своей сути сводятся к одной из семи систем. Более того, оказывается,

что все эмоции разные – мы не можем больше говорить про то, что настороженность, робость, ошарашенность – это все вариации системы СТРАХ. Нет, это разные эмоции, которые отсылают к разному субъективному и интерсубъективному контексту. И пытаться увидеть за ними какую-то единую нейрофизиологическую систему – это ошибка. Это подведение уникального опыта – в том числе эмоционального опыта – конкретного человека под жесткую схему некоей теории.

То есть если следовать за Барретт, то все здание нейропсихоанализа оказывается выстроенным на песке. Нейропсихоанализ считает, что за разными эмоциями он может различить базовые эмоциональные системы. Отсюда вытекает странный новояз нейропсихоанализа. Вместо того чтоб сказать «человек разозлился», говорят «заработала система ЯРОСТЬ». Вместо того чтобы сказать «человек испугался», говорят – «заработала система СТРАХ». Мне этот язык кажется каким-то нелепым, громоздким, нечеловеческим новоязом. Я бы даже назвал этот язык комичным... Если человек разозлился, но не стал свой гнев проявлять, потому что испугался наказания, то это звучит как «система ЯРОСТЬ была заблокирована системой СТРАХА». Как будто бы говорится не про живого человека с понятными реакциями, а про какого-то биоробота искусственного... Теория базовых эмоций – это замок, выстроенный на песке. Если в истории науки произойдет очередной сдвиг парадигм, конструктивизм снова войдет в моду, то тогда все здание нейропсихоанализа обрушится с громадным треском.

Ну допустим, есть некие базовые эмоциональные системы. Они определяют эмоциональные потребности человека. Эти потребности создают давление и заставляют человека что-то делать для того, чтобы это давление снять. Солмс даже провозглашает это неким общим законом: «Вы принимаете решение, что делать и что не делать, на основании чувственных последствий ваших действий» (*Solms, 2021*). Да, интересно, что бы по этому поводу сказал, например, Кант...

Тут возникает следующий ключевой тезис Солмса – все живое стремится к гомеостазу (стремление системы воспроизводить себя, восстанавливать утраченное равновесие, преодолевать сопротивление внешней среды) и в конечном счете – к выживанию. Задача – выживать. Чтобы выживать, необходимо удовлетворять собственные нужды. Неудовлетворенная нужда проявляет себя в давлении, в ощущении отсутствия покоя, равновесия. Задача – вернуться к покою, восстановить гомеостаз, равновесие путем удовлетворения этой нужды.

У Солмса даже есть такая очень интересная идея про то, что сон лучше бодрствования, что бодрствование менее желательно с биологической точки зрения, чем сон. И еще более глубокая мысль, которая меня прямо поразила, что зомби лучше сознающего человека. Зомбиподобное состояние для человека предпочтительно. Человек бодрствует, пытается снять напряжение от неудовлетворенной потребности. Зомби – спит,

все его потребности удовлетворены, он не испытывает никакого заметного напряжения. Это то идеальное состояние – к которому необходимо стремиться («В этом теоретическом идеальном состоянии, в котором вне наши нужды удовлетворены, мы ничего не чувствуем» (Solms, 2021). При этом это состояние «теоретически идеальное», так как такое в реальности практически невозможно – например, система ПОИСК не позволит успокоиться).

Соответственно, в нейропсихоанализе любой биологический организм, любая биологическая система описывается как такая система, которая стремится к выживанию и поддержанию гомеостаза, то есть снятию напряжения, возникающего от давления некоей потребности.

Дальше Солмс вводит свой тезис про свободную энергию (с опорой на Карла Фристана). За этим стоит сложная физика и математика, но если отставить эту физико-математическую составляющую, то получается достаточно простая концепция: любая система стремится к минимизации свободной энергии. Задача организма в том, чтобы с наименьшими затратами эффективно и высокофункционально удовлетворять свои потребности.

Если перевести этот принцип на уровень информации, то это значит, что система должна минимизировать количество новой поступающей информации, нуждающейся в обработке. То есть если я действую в окружающей среде и происходит что-то, чего я ожидаю, то в таком случае я получаю минимум новой информации и мне не надо тратить много сил на ее обработку. Мне не надо отвлекать энергию от других занятий и тратить ее на обработку этой информации. Если же происходит что-то непредсказуемое, то вместо минимума информации я получаю огромное количество информации: мне приходится затрачивать огромные количества усилий на то, чтобы эту новую информацию обработать, усвоить. Минимизация свободной энергии – это минимизировать количество поступающей новой информации, сделать окружающую среду предсказуемой, а свое поведение, соответственно, максимально эффективным: я знаю, чего хочу, я знаю, как правильно действовать, и я знаю, какой результат я получу в результате этого действия. Чем слаженней эта схема работает, тем меньше количество этой свободной энергии. Из этого Солмс даже выводит общий закон ментальной жизни: «Давайте назовем это Законом Фристана: все количества в самоорганизующейся системе, которые могут измениться, будут меняться в сторону минимизации свободной энергии. Теперь у нас есть этот закон. Обладая этим знанием, все, что мы называем ментальной жизнью, становится математически отслеживаемым» (Solms, 2021).

А где же сознание? Сознание возникает в тот момент, когда система сталкивается с неопределенностью⁹. Если биологическая система может спокойно решать все свои задачи на автомате, то сознание ей не нужно. Но в тот момент, когда возникает какая-то действительно серьезная неопределенность, когда автоматизированные решения не работают или работают неудовлетворительным образом, то именно в этот момент и нужно сознание. Если паттерны моего действия автоматизированы, то я могу забыть и действовать как зомби – возвращаюсь домой и веду машину, не задумываясь о том, куда я еду и как. Но если происходит что-то не то, то приходится включать сознание и вырабатывать некий новый паттерн поведения в этой ситуации, который в идеале должен автоматизироваться, то есть уйти в бессознательное. Идеальная ситуация – при которой вся среда комфортна, все действия автоматизированы, ничто не вызывает удивления. Человек засыпает и погружается в зомбиподобное состояние. Это идеал любой биологической системы.

Вот две цитаты из Солмса, которые иллюстрируют данный тезис:

«В этом вся суть сознания в когниции. Вы сталкиваетесь с ситуацией, в которой вы не уверены, что именно надо делать. Сознание приходит на помощь: вы чувствуете свое прохождение через данный сценарий, обращая внимания на те волевые действия, которые для вас работают. Затем постепенно успешные уроки автоматизируются, и сознание уже больше не требуется.

Это значит, что сознание возникает в тот момент, когда автоматическое поведение ведет к ошибке. Другими словами, когда памятный след (предсказание) производит поведение, которое не приводит к ожидаемому результату. Это значит, что предсказание под вопросом должно быть обновлено с целью учесть ошибку» (*Solms, 2021*).

Из той картины, которую рисует Солмс, возникает очень конкретный образ человека – человек как такой аудитор бытия, который, подобно любым другим биологическим системам, занимается аудитом своих издержек, расходов и приходов с целью сделать так, чтобы этих издержек было минимальное количество, чтобы все они были максимально оправданными. Короче говоря, человек стремится к эффективности и высокофункциональности, а проблемы возникают тогда, когда что-то этой эффективности и адаптированности к внешней среде мешает.

Тут, конечно, нельзя не обратить внимание на то, что вот это якобы естественное описание человека очень напоминает идеологию, которую

⁹ «Сознание (определенное таким образом) – это биологический императив; это инструмент, посредством которого сложные организмы мониторят и поддерживают свою функциональную и структурную целостность в незнакомых ситуациях» / «Consciousness (thus defined) is a biological imperative; it is the vehicle whereby complex organisms monitor and maintain their functional and structural integrity in unknown situations» (*Solms, 2019: 7*).

можно было бы назвать нейролиберализмом. То есть каждый человек – это такая индивидуальная фирма, которая пытается выживать на рынке, соответственно, задача этой фирмы в том, чтобы максимально эффективно вести хозяйство, подсчитывать расход-приход, избавляться от ненужных издержек, неэффективных способов ведения своего бизнеса. И даже терапия именно об этом: «Что такое разговорная терапия, если не направленное вмешательство в индивидуальный нарратив? С моей точки зрения, психотерапия – это форма "продолжающегося обоюдного предсказания", что также является формой ИГРЫ» (Solms, 2021). То есть в терапии человек оттачивает точность и эффективность своего взаимодействия с окружающей средой.

Это идеологическое измерение нейропсихоанализа, которое позволяет критиковать его не только с точки зрения психоанализа, но и с точки зрения критики идеологии, когда под видом некоего естественного положения дел проталкиваются идеи с очевидным экономическим, политическим и культурным подтекстом.

На это можно спросить: действительно ли это адекватное описание человека именно в его человеческом измерении? Если исключить очень узкие идеологизированные интерпретации того, что такое человек, то действительно ли человек стремится к тому, чтобы «забыться и заснуть», действительно ли идеал человека – это эффективный, высокофункциональный, адаптированный индивид, ведущий зомбиподобное существование? Действительно ли человеческие потребности сводятся к семи нехитрым биологическим нуждам Солмса-Панксеппа? Да, у Фрейда можно найти похожие размышления про гомеостаз, но даже у Фрейда было понимание второго измерения – влечения к смерти, той силы, которая вносит раздрой в это красивое сонное царство Солмса, которая стремится разметать и уничтожить все эти красивые адаптивные и высокофункциональные конструкции высокофункциональных индивидов.

И тут есть следующий сомнительный момент, который как раз является следствием того, что нейропсихоаналитики слишком долго изучали мышей и слишком мало – людей. Солмс пишет, что задача каждой биологической системы – решать проблемы, относящиеся к измерению данной системы, к тому, что является *viable bounds* (целесообразными пределами) данной системы. Но где, собственно говоря, те самые пределы для человека, те границы, в которых человеку комфортно, где место для человека пусть даже в качестве биологической системы на этой Земле? С этих вопросов собственно человеческое измерение человека и собственно человеческие вопросы только и начинаются – а для нейропсихоанализа, увы, все здесь и заканчивается. Но это вопросы, на которые люди не могут ответить на протяжении тысяч лет!

Что человеку надо для счастья? Где человеческий предел? Где место для человека в этом мире? Нет у человека ответа на эти вопросы. И нет человеку покоя. Человек – не существо, которое стремится к покою.

В человеке есть некий избыток, некие избыточные силы, которые раз за разом толкают его в разные стороны, не позволяют ему превратиться в зомби, в какой-то самодовольный зомбиподобный автомат. Это все проблематика, например, философской антропологии XX века, которую можно посоветовать изучать сторонникам разных модных нейро-концепций.

При этом идея покоя, равновесия – это интересная мысль. Например, ее отголоски можно найти в буддизме: возможно, нирвана – это что-то похожее на состояние спящего зомби. Но буддизм – не единственно возможная религиозная традиция. И другие традиции руководствуются совершенно иными представлениями о человеке.

И вот эти действительно человеческие вопросы и темы подменяются в нейропсихоанализе какими-то якобы законами про гомеостаз и выживание.

Кстати, если покой, сон, зомбиподобное состояние – это идеал, то почему тогда самоубийство – это не решение? Это же все то же самое, только навсегда. И можно даже так вопрос поставить, метафизически: почему вообще есть нечто, а не ничто? Из-за чего вообще весь этот переполох во Вселенной? Зачем существовать, если можно не существовать? Если все стремится к покою, к тому, чтобы стать зомби, то почему самоубийство не выход? Может, это оптимальное решение проблемы гомеостаза? Зачем что-то делать, к чему-то стремиться, когда все можно раз и навсегда решить, раз и навсегда удовлетворить все свои проблемы? Может, суть терапии в рамках нейропсихоанализа и будет в конечном итоге заключаться в доведении клиента до осознания того, что есть более простой способ достичь этого гомеостаза... Но это шутка.

Если есть люди, которые разделяют взгляд нейропсихоанализа на человека, то, может быть, кто-то из них согласился бы написать, например, автобиографию из этой позиции. Представил бы себя такой системой, которая занимается удовлетворением нехитрого перечня своих биологических нужд максимально эффективным путем с целью забыться, заснуть и превратиться в такого самодовольного зомби. Если такое убедительное самописание появится, то я готов еще раз к этим идеям вернуться. С моей точки зрения, это просто квинтэссенция редуccionизма и биологизаторства, где человек подменяется я даже не знаю кем. Мне кажется, даже мышь сложнее, чем та модель, которую Солмс предлагает в качестве ответа на вопрос о месте и роли человека в этом мире.

При этом Солмс все время подчеркивает, насколько для него важна эта перспектива от первого лица, то есть взгляд сверху вниз. Но где она в книге? Там, где он все же переключается на эту перспективу, это выглядит очень просто и даже нелепо. Вот, например, он чуть ли не единственный раз за все время пытается пояснить свои идеи примером от первого лица, он пишет: «То, что вы испытываете все время, – это флуктуирующая пульсация чувства в ответ на ваше движение в мире, по мере того как

вы проверяете, все ли происходит так, как вы ожидаете, и пытаетесь залатать тот разрыв, который возникает, если это не так» (Solms, 2021).

Я не знаю, может быть Солмс именно так себя и переживает – как такую систему, которая движется в пространстве и, ориентируясь на собственные чувства, пытается понять, так ли все, как она ожидает, или все не так и не стоит ли в таком случае перестроить свои ожидания. Повторяюсь, возможно, Солмс – уникальный человек, который полностью себя познал и переформатировал свое существование до самых его основ. И теперь он такая система, которая все время движется в пространстве, удостоверяясь, так ли все на самом деле, как он ожидал или нет...

Но надо сказать, что человеческое все же порой прорывается в этой книге. Подобно тому как трава прорастает сквозь бетон, человеческое прорывается у Солмса в том месте, где он начинает размышлять о своей жизни. Он приводит очень трогательно описание того, как он вообще стал неврологом. У него был старший брат, с которым случилась трагедия: он упал с огромной высоты, разбил голову и повредил свой мозг. По сути, стал инвалидом. Солмс описывает свой ужас перед этим фактом, перед тем, насколько хрупок человек. Он описывает, как «пошел стать» врачом, чтобы, если так можно выразиться, спасти своего брата. Как он в детстве размышлял о смерти и понимал, что все недолговечно, кроме человеческого сознания, и что понять человеческое сознание – единственная по-настоящему интересная тайна. То есть именно тут прорывается человеческое сквозь все эти наукообразные построения про законы и физико-математические теории. То есть, возможно, идеи Солмса действительно описывают какие-то биологические и даже сознательные системы, но это не человек! А человек в книгу прорывается откуда-то сбоку – в не имеющих отношения к повествованию рассказах Солмса о своей жизни.

Уверен, мне сейчас скажут: вот у вас тут общефилософские рассуждения, а у Солмса математика и физика! Точность формул и расчетов против ваших слов и лирики. Хорошо, соглашусь. И это тот момент, где я проникся к Солмсу глубоким уважением. Он честно пишет: я считаю, что решил проблему сознания, что создал физическую и математическую теорию сознания. А дальше добавляет: единственной настоящей критерий истины – это практика. Если мои размышления верны, то абсолютно реально создать искусственного сознательного робота, то есть робота, наделенного сознанием. И более того, Солмс пишет, что ровно сейчас как раз и занимается тем, что создает такого робота. То есть экстраординарные заявления требуют экстраординарной проверки – если кто-то утверждает, что решил проблемы сознания, то пусть предъявит искусственное сознание! Если кто-то утверждает, что умеет летать, то поверить в это можно, только увидев сам полет. Если кто-то утверждает, что изобрел машину времени, то вместо изучения физических и математических расчетов этого хотелось бы просто увидеть конечный продукт...

Так что тут все просто – я предлагаю подождать 5–10 лет. Пока взять мораторий на обсуждение идей Солмса. И если через 5–10 лет такой робот появится, то тогда можно будет снова вернуться к Солмсу и заново рассмотреть его тезисы.

Весь конец книги – это рассуждения о создании этого робота, о том, как его запатентовать, какие тут есть этические сложности и т. д. Напоминает какое-то прожектерство – но давайте подождем пару лет.

Заключение

В заключение мне бы хотелось порассуждать о том: а чего добился нейропсихоанализ за 20 лет своего существования? То есть нейропсихоанализ существует уже больше 20 лет, и хочется понять, получили ли мы то, что нам обещали. 20 лет назад было обещано много всего. Кстати, в журнале «Нейропсихоанализ» год назад состоялась дискуссия ровно об этом – о достижениях нейропсихоанализа за 20 лет существования. Каждый может сам ознакомиться с этой дискуссией и сделать свои собственные выводы (*Reflections on 20 years of Neuropsychoanalysis*, 2019). Я для себя сделал такие.

Появился ли «радикально иной» психоанализ? Очевидный ответ – нет.

Были ли разрешены противоречия между существующими «школами мудрости» психоанализа? Ответ – нет. Как были теоретические противоречия, так они и остались. Более того, нейропсихоанализ не смог разрешить даже основополагающее для себя противоречие между двумя подходами к эмоциям, хотя это имеет самое непосредственное отношение к положению нейропсихоанализа как дисциплины. Можно даже сказать, что те противоречия, которые в XX веке существовали на психологическом уровне, в XXI веке просто оказались перенесены на нейроуровень, но эти противоречия как были, так и остались.

Дальше можно спросить: изменил ли нейропсихоанализ метапсихологию? Тут можно ответить – скорее нет, но с оговорками: нейропсихоанализ предложил какое-то количество гипотез (бессознательное Оно, динамическое бессознательное как дисфункциональные паттерны и т. д.), которые в принципе могут как-то трансформировать метапсихологию Фрейда. Но гипотезы – это всего лишь гипотезы, то есть это некие предположения, и таких предположений за сто лет психоанализа было очень много. Гипотезы должны становиться фактами, если они фактами не становятся, значит, тут что-то не то...

Тут можно привести цитату из Солмса с коллегами, когда они пишут: «Критики нейропсихоанализа ошибаются, когда говорят, что "не было предложено никаких аргументов в пользу предпочтения биологического уровня объяснения". На самом деле было предложено много таких причин; среди них – возможность валидизировать или отвергать теории экспериментально с пониманием, что будущие исследования могут снова поменять текущую картину» (*Yovell, Solms, Fotopoulou*, 2015). В этой цитате куча противоречий: как можно отринуть некую теорию, если написано, что в будущем исследование может снова все поменять? То есть потом

можно снова будет вернуться к отвергнутой теории? То есть все же отринуть теорию нельзя? В чем надежность биологического уровня объяснений, если он дает только гипотезы, которые впоследствии снова могут быть отвергнуты? То есть опять эта проклятая неопределенность – вместо уверенности, что нам сейчас дадут надежные факты и решения теоретических противоречий, нам снова скармливают сплошные гипотезы. Гипотезы – это хорошо, но с производством гипотез психоанализ и так прекрасно до сих пор справлялся... И как это предлагается понимать с точки зрения практики: раз в год (в 5, 10 лет?) все клинические психоаналитики меняют свою метапсихологию и технику работы в соответствии с теми теориями и взглядами, которые сегодня считаются наиболее модными и популярными в научном сообществе или наиболее обоснованными? А через год – снова менять? Или, может быть, подождать, пока вместо гипотез появятся факты и только тогда задуматься о каких-то трансформациях?

Так чем же стал нейропсихоанализ за 20 существования? На мой взгляд, он стал еще одной школой психоанализа. Со своей метапсихологией, со своим решением проблемы «сознание – тело», со своим методом, со своей организацией, со своим переводом Фрейда (Марк Солмс обещает новый перевод Фрейда с правильной нейронаучной терминологией), со своей историей психоанализа (от раннего Фрейда-ученого к сегодняшнему дню). И это иронично – то, что начиналось в качестве движения за разрешение теоретических противоречий психоанализа и выход за пределы тупика разных «школ мудрости», в итоге само превратилось в еще одну «школу мудрости». С другой стороны, это нормально: природа тех вещей, с которыми мы сталкиваемся, когда погружаемся в тематику бессознательного, настолько сложная, что тут возможны только какие-то гипотезы. Недаром Фрейд вводил метапсихологию по аналогии с метафизикой: метафизика возникла как раздел знания, возникающий после физики (после того как мы изучили все чувственно постигаемое), метапсихология – как то, что остается после психологии, после того как мы исследовали все поле сознания (если ограничивать психологию только сферой сознательного).

По сути, цель нейропсихоанализа как клинической практики – сделать человека более функциональным, более адаптивным, увеличить его шансы на выживание, способствовать минимизации его свободной энергии. В основе такой терапии – взгляд на человека как на биологическую систему, стремящуюся к выживанию и эффективному удовлетворению своих известных биологических потребностей. При этом все эти потребности человеком осознаются. Если этого удовлетворения не происходит, то человек испытывает давление, напряжение, фрустрацию. Напряжение обычно связано с тем, что человек следует каким-то давно усвоенным автоматизированным дисфункциональным паттернам удовлетворения этих нужд. Фрустрация приводит человека к терапевту, задача терапевта – помочь клиенту изменить эти дисфункциональные паттерны поведения, чтобы тот перестал испытывать напряжение и смог удовлетворить наконец свои биологические потребности. На выходе из терапии получается

высокофункциональный адаптивный индивид, способный с минимальными затратами энергии удовлетворять свои нужды. Так нейропсихоанализ видит человека, так он видит задачи терапии.

Мне кажется, этот способ мышления близок к когнитивно-поведенческим подходам. Только к нему добавлена еще специальная фрейдистская терминология. Я понимаю, что представители других направлений психоанализа могут не согласиться с идеями про адаптивность, функциональность, про превращение человека в зомбиподобный автомат, счастливо спящий оттого, что все его нужды удовлетворены... Я не буду делать каких-то выводов. Просто обращаю внимание, что с этической, с экзистенциальной, с антропологической и прочих точек зрения все это – спорные тезисы, которые, вероятно, будут близки людям с утилитаристским мышлением, но других побудят на очень острую критику.

В самом конце в качестве полушутки мне бы хотелось задаться вопросом о том, что будет после «нейро». Если «нейро» так и не удалось революционизировать психоанализ, создать какой-то радикальный иной психоанализ, если это просто модное течение, которое захватило часть психоаналитического сообщества, то рано или поздно эта мода пройдет. Можно спросить: а что дальше? Мне кажется, место, где возможно появление нового хайпа, связано, например, с Big Data. Возможно, в будущем нас ждет появление чего-то типа Big Data Psychoanalysis. Это же действительно вдохновляющая идея – психоанализ всегда оперировал отдельными кейсами. Ну максимум 1000 кейсов один психоаналитик мог собрать и осмыслить. А Big Data позволяет собрать миллионы кейсов и выявить паттерны в мышлении и поведении людей. Что такое Google? Это же прямо свободные ассоциации – что в голову приходит, то туда и забиваешь. Можно же прямо паттерны свободных ассоциаций выявить! То есть, возможно, отсюда появятся какие-то новые проекты реформирования психоанализа и его метапсихологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Узланер Д.А. Нейропсихоанализ и его концептуальные проблемы // Социология власти. 2020. 32(2): 48–72.
2. Фрейд З. О бессознательном (1915).
3. Alberini C.M., Ansermet Fr., Magistretti P. (2013) Memory Reconsolidation, Trace Reassociation and the Freudian Unconscious. In Cristina M. Alberini (ed.) Memory Reconsolidation. Elsevier, Academic Press. P. 293–312.
4. Barrett L.F. (2018) How Emotions Are Made. The Secret Life of the Brain. Boston: Mariner Books.
5. Barrett L.F., Lindquist K.A.; Bliss-Moreau E., Duncan S., Gendron M., Mize J., Brennan L. (2007) Of Mice and Men: Natural Kinds of Emotions in the Mammalian Brain? A Response to Panksepp and Izard. Perspectives on Psychological Science: A Journal of the Association for Psychological Science, 2(3): 297–311.

6. *Bennett C.M. & Miller M.B.* (2010) How Reliable Are the Results from Functional Magnetic Resonance Imaging? *Annals of the New York Academy of Sciences* 1191: 133–55.
7. *Bennett C.M., Miller M.B., Wolford G.L.* (2009) Neural Correlates of Interspecies Perspective Taking in the Post-Mortem Atlantic Salmon: An Argument for Proper Multiple Comparisons Correction. *NeuroImage* 47(Supplement 1): S39–S41.
8. *Bennett M.R.; Hacker P.M.S.* (2012) *Philosophical Foundations of Neuroscience*. Malden, Mass.: Blackwell Publishing.
9. *Blass R.B., Carmeli Z.* (2007) The Case Against Neuropsychanalysis. On Fallacies Underlying Psychoanalysis' Latest Scientific Trend and Its Negative Impact on Psychoanalytic Discourse. *The International Journal of Psychoanalysis* 88(1): 19–40.
10. *Blass R.B., Carmeli Z.* (2015): Further Evidence for the Case Against Neuropsychanalysis: How Yovell, Solms, and Fotopoulou's Response to Our Critique Confirms the Irrelevance and Harmfulness to Psychoanalysis of the Contemporary Neuroscientific Trend. *The International Journal of Psychoanalysis* 96(6): 1555–1573.
11. *Carmeli Z., Blass R.* (2013) The Case Against Neuroplastic Analysis: A Further Illustration of the Irrelevance of Neuroscience to Psychoanalysis Through a Critique of Doidge's *The Brain that Changes Itself*. *The International Journal of Psychoanalysis* 94(2): 391–410.
12. *Clarke B.H.* (2018) A Cat Is Not a Battleship: Thoughts on the Meaning of «Neuropsychanalysis». *The International Journal of Psychoanalysis* 99(2): 425–449.
13. *Green A.* (1999) Consilience and Rigour: Commentary by André Green (Paris). *Neuropsychanalysis* 1(1): 40–44.
14. *Green A.* (2001) Advice to Psychoanalysts: «Cognitive Psychology Is Good for You»: Commentary by André Green (Paris). *Neuropsychanalysis* 3(1): 16–19.
15. *Hinshelwood R.D.* (2013) *Research on the Couch. Single Case Studies, Subjectivity, and Psychoanalytic Knowledge*. Hove, New York: Routledge.
16. *Ioannidis J.P.A.* (2005) Why Most Published Research Findings Are False. *Plos Medicine*. August 30. DOI: doi.org/10.1371/journal.pmed.0020124
17. *Karlsson G.* (2010): *Psychoanalysis in a New Light*. New York: Cambridge University Press.
18. *Legrenzi P., Umiltà C.A.* (2011) *Neuromania. On the Limits of Brain Science*. Oxford: Oxford University Press.
19. Open Science Collaboration. (2015) Estimating the Reproducibility of Psychological Science. *Science*. 349(6251). DOI: 10.1126/science.aac4716
20. Reflections on 20 years of Neuropsychanalysis (2019). *Neuropsychanalysis*, 21(2): 89–123.
21. *Samuels R.* (2017) *Psychoanalyzing the Politics of the New Brain Sciences*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan.
22. *Satel S.L., Lilienfeld S.O.* (2013) *Brainwashed. The Seductive Appeal of Mindless Neuroscience*. New York: Basic Books.

23. *Serra-Garcia M., Gneezy U.* (2021) Nonreplicable Publications Are Cited More Than Replicable Ones. *ScienceAdvances*, 7(21). DOI: 10.1126/sciadv.abd1705.
24. *Solms M.* (1998) Before and After Freud's Project. In R. M. Bilder and F.F. LeFever (eds) *Neuroscience of the Mind on the Centennial of Freud's Project for a Scientific Psychology*. New York: The New York Academy of Sciences.
25. *Solms M.* (2003) Do Unconscious Fantasies Really Exist? In R. Steiner (ed.) *Unconscious Fantasy*. London: Karnac.
26. *Solms M.* (2013) The Conscious Id. *Neuropsychoanalysis*, 15(1): 5–19.
27. *Solms M.* (2014) A Neuropsychoanalytical Approach to the Hard Problem of Consciousness. *Journal of Integrative Neuroscience* 13(2): 173–185.
28. *Solms M.* (2016) Empathy as Developmental Achievement: Beyond Embodied Simulation. In Jan De Vos and Ed Pluth. (eds) *Neuroscience and Critique: Exploring the Limits of the Neurological Turn*. Routledge: Taylor and Francis.
29. *Solms M.* (2019) The Hard Problem of Consciousness and the Free Energy Principle. *Frontiers in Psychology*, 30 January. DOI: doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02714
30. *Solms M.* (2021) *The Hidden Spring. A Journey to the Source of Consciousness*. New York: W.W. Norton & Company.
31. *Solms M., Turnbull O.* (2002) *The Brain and the Inner World: An Introduction to the Neuroscience of Subjective Experience*. New York: Other Press.
32. *Solms M., Turnbull O.H.* (2011) What Is Neuropsychoanalysis? *Neuropsychoanalysis*, 13(2): 133–145.
33. *Tallis R.* (2013) *Aping Mankind. Neuromania, Darwinitis and the Misrepresentation of Humanity*. Cambridge: Cambridge University Press.
34. *Turnbull O., Solms M.* (2003) Memory, Amnesia and Intuition: A Neuropsychoanalytic Perspective. In V. Green (ed.) *Emotional Development in Psychoanalysis, Attachment Theory and Neuroscience: Creating Connections*. New York: Brunner-Routledge.
35. *Vidal F., Ortega F.* (2018) *Being Brains. Making the Cerebral Subject*. New York: Fordham University Press.
36. *Vos J. de, Pluth E.* (eds) (2016) *Neuroscience and Critique. Exploring the limits of the Neurological Turn*. East Sussex, New York, N.Y.: Routledge.
37. *Vul E., Harris Ch., Winkielman P.* (2009) Puzzlingly High Correlations in fMRI Studies of Emotion, Personality, and Social Cognition. *Perspectives on Psychological Science*, 4(3): 274–290.
38. *Yovell Y., Solms M., Fotopoulou A.* (2015) The Case for Neuropsychoanalysis: Why a Dialogue with Neuroscience Is Necessary but not Sufficient for Psychoanalysis. *The International Journal of Psychoanalysis* 96(6): 1515–1553.

Why I Am Not a Neuropsychoanalytic

D. A. Uzlaner

Uzlaner Dmitry Aleksandrovich, Senior Research Fellow at Russian Academy of National Economy and Public Administration and Moscow School of Social and Economic Sciences. Author of books: "Objective subjectivity: Psychoanalytic theory of the subject" (2020), "Jacques Lacan: Introduction" (2021) etc.

This article is devoted to a critical examination of neuropsychoanalysis as a project for the renewal of psychoanalysis. The author examines the context in which neuropsychoanalysis emerged, its promises of a radical reform of psychoanalysis, and the problems with these promises. The author then analyzes the solution to the "mind-body" problem proposed by neuropsychoanalysis. Finally, the last part of the paper deals with Mark Solms's latest book, summarizing his views to date. In conclusion, it is concluded that neuropsychoanalysis has, in its 20 years of existence, become yet another school within psychoanalysis. The arguments presented in the article continue a line of thought begun by the author earlier in his contribution "Conceptual Problems of Neuropsychoanalysis" (Uzlaner, 2020).

Keywords: neuropsychoanalysis, Marc Solms, conscious Id, dual-aspect monism, neuroskeptics.